

Моя жизнь

Речь народного артиста Союза ССР **И. М. МОСКВИНА** на совещании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Фрунзенского избирательного округа Москвы

Кроме того, что вы мои выборщики, вы еще и агитаторы. Значит, мне познаться с вами придется по-серьезному, чтобы вы знали, кого вы рекомендуете.

Благодарю вас за глубокое доверие и за ту честь, которую мне оказали трудящиеся вашего округа, выдвинув меня кандидатом в депутаты Совета Союза. Я понимаю, какая огромная ответственность ложится на меня перед партией, правительством, страной, и я постараюсь ваше доверие оправдать. Вперед я расскажу вам о моей жизни, откуда я появился и как рос.

Я родился в Москве, можно сказать, в самом центре — на Куйбышевской улице, прежде она называлась Ильинкой. Жил в городе, в самой гуще народной с самого детства. Здесь я увидел правду жизни.

Я — сын часового мастера, в семье нас было 8 человек. Когда мне пошел восьмой год, возник проклятый вопрос: как начинать учить сына, где достать бедному отцу денег. Теперь это легко, теперь только родись, а дальше государство хлопочет. Матери на твои рожденные дадут денег, потом ясли, потом детский сад, потом десятилетка, хочешь — в вуз иди, а там, мало того, что бесплатно будешь учиться, тебе государство денег на жизнь даст. Отец задумался: если дать сыну среднее образование, это нахнет тремя-четырьмястами рублей в год, а то и пятьюстами. А если дать низшее образование, то и за десятку в год можно обойтись. Среднее образование давало право служить в царской армии вольноопределяющимся. В этом случае нужно было служить только один год. Вот отец и пошел спрашивать, кого возьмут в солдаты, меня или Мишку, а Мишка — это мой брат, народный артист Тарханов. Сказали, что возьмут брата. Тогда отец послал меня в городское училище.

Надо сознаться, учился я не очень

уж зло. Учился с прохладцей. Учителя были плохие, не заинтересовали меня наукой. У меня был недурной голос, и инспектор, который управлял хором, пригласил меня

петь. Я пел за четвертак на всенощной. Потом, когда стал петь соло, мне гривенник набавили. Когда я учился, мой отец прихворнул. К этому времени он уже бросил свое мастерство и поступил приказчиком в часовой магазин купца Калашникова на 50 рублей. «А за эти же деньги пусть и мальчик твой служит в магазине», — так сказал купец.

Посылали меня стеклышки носить, стрелочки, потом письма немудреные заставляли писать. Прослушал я курсы двойной итальянской бухгалтерии и курсы немецкого языка. Была у меня служба там нелегкая, потому что старшим управляющим у Калашникова был мой крестный отец. Это был старик старого закала.

Он меня взял для дальнейшего воспитания жить к себе. А это, конечно, не значило, что я буду с ним жить по-хорошему, богато. Я только по утрам приходил к нему и читал «Жития святых».

В магазине я получал от крестного гривенник... Это бывало в час, а то и в два часа дня. До этого же времени я ничего во рту не имел. Иногда он спрашивал: «Ваня, что я тебе давал гривенник или нет?» А у меня уж музыка внутри играет: «Нет, — говорю, — не давали». И, получив монету, купишь, бывало, сайку да колбасы, и тем сыт весь день. Так я кормился.

В мою судьбу вмешался зять, который служил на чугунолитейном заводе Мейера. Он и меня устроил на завод. Дали мне там жадованья 25 рублей, сделали воровником чугуна и приемником заказов. Работал я помногу. Начинал с 5 и кончал в 7, а зимой — с 6 утра и до 8 часов вечера.

В это время я пристрастился к театру и довольно часто ходил на спектакли к Коршу. В театре была замечательная труппа, начиная со знаменитого Давыдова. Были у меня любимцы ар-

тисты. Бывало, после спектакля выхожу наружу и ожидаю своего любимца, даю ему сойти с лестницы, чтобы провонять домой. Я от этого получал огромное удовольствие. Теперь молодежь по-смелее стала, и если провожает, то уж и поговорит обязательно.

Чтобы учиться на артиста, надо было 150 рублей платить в частную школу. Единственная надежда была на дядю. Но как же к нему идти просить денег, когда он театра, как чертей, боится. Мать волновалась и я волновался. Но мы пошли. И вдруг случилось чудо: он согласился внести за меня полтора рубля.

Но я решил сохранить эти деньги и пошел экзаменоваться в Императорскую школу при Малом театре, где учили бесплатно. Мальчишка я был невзрачный, худенький и одет неказисто. К экзамену на меня все лучшее, что было дома, надели. Пришел на экзамен. Начал читать. Прочел первые 12 строк, и мне чрезвычайно любезно говорят: «Благодарим вас». А я уже узнал, если любезно благодарят, значит не примут, если сухо, может, еще и примут...

Тогда я пошел в частную школу Шестакова. Был в этой школе В. И. Немирович-Данченко, теперь он орденоносец, директор Художественного театра.

Первые полгода в школе читали стихи. А к стихам я особого расположения не имел. Однажды и говорит мне Владимир Иванович: «Москвин, придется нам с вами расстаться, не вижу данных у вас никаких, чтобы продолжать артистическую карьеру». Сказал он это, посмотрел на меня и, увидев, как я бледнею, неожиданно прибавил: «Попробуем еще, оставайся на второе полугодие».

Во втором полугодии басни читали и отрывки из пьес. Тут у меня пошло, как по маслу. Словом, два года я учился бесплатно. Выпускной экзамен был в Малом театре, я там в некоторых ролях был показан и отзывы хорошие получил в печати. Закончил я школу. Тут мне предложили поехать с Гликерией Николаевной Федотовой на гастроли. Конечно, на гастроли должна была ехать Федотова, а я просто при ней. Здесь на гастролях я впервые увидел, что значит правда на сцене, настоящая прав-

да, которая заставляет жить со мной вместе одними чувствами весь зрительный зал.

Труппа была небольшая, и мне дали в пьесе играть сразу три роли, в трех разных костюмах. В первом же акте я загнулся, и секунд 40 не мог вспомнить следующей реплики. А 40 секунд на сцене — это целая вечность. Кое-как провел первый акт. С меня сняли первый костюм, и в другом уже костюме я должен был играть запуганного мужичонку, идущего с доносом на своего барина. Но запуганным-то оказался не мужичонка, а я, Москвин. Я все время думал о предыдущей сцене и вышел с вытаращенными глазами, с испуганным лицом, у меня губы даже посинели. Публика же приняла меня очень хорошо. И тогда я понял, что значит настоящая, искренняя игра артиста.

Затем я работал в Ярославле. Теперь мы 4—5 месяцев роль разучиваем, а тогда — недели три. Важно было только выучить роль на-зубок, а как ты играешь — это неважно. Переиграл я в Ярославле за 7 месяцев ролей 60. А за все время существования Художественного театра я сыграл всего 44 роли. Потом я играл у Корша. В 1898 году открыли Художественный театр. О моей деятельности в Художественном театре говорить не буду, так как она прошла и проходит на ваших глазах.

Если позволите, расскажу о себе, как о гражданине. Был я в 1917 году просто обыкновенным беспартийным обывателем. А в 1936 году, к моменту появления великой Сталинской Конституции я имел честь быть избранным делегатом на Чрезвычайный УН Всесоюзный Съезд Советов и работал в Редакционной комиссии съезда. К 1936 году я из беспартийного обывателя стал, могу сказать, положить руку на сердце, непартийным большевиком. (Аплодисменты).

Все 19 лет я перековывался. Я очень верю, когда говорят партийцы, что можно перековать человека. Можно перековать, только надо самому этого хотеть. Я себя перековал. Правда, серьезный срок для этого потребовался, но перековался я безвозвратно, крепко, навсегда. Работа на съезде произвела на меня огромное впечатление. Я ежедневно, начиная с 25 ноября по 5 декабря, близ-

ко общался с народом, с депутатами съезда, лучшими сынами нашей страны. За эти 10 дней я пересмотрел все прошлые страницы своей жизни.

Мы 20 лет произносим слова «советский гражданин». Слова эти вошли в обиход. А если задуматься над ними, то какое огромное, новое содержание этих слов раскрывается перед нами. Раньше спрашивали тебя: кто ты? Я, говорит, русский или белорус, или еврей, или грузин. За спиной отвечающего стояли 5—10 миллионов людей одной национальности. Теперь, когда меня спрашивают: кто ты? — я отвечаю: советский гражданин. А что значит советский гражданин? Это значит, что за моей спиной стоит 170 миллионов, руководимых Сталиным. (Бурные аплодисменты).

Когда я переворачивал страницы Конституции и читал, что «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся», я не мог не волноваться. Нам дается право всем до единого принимать участие в строительстве нашей страны. По Сталинской Конституции мы — хозяева страны. Как хозяин строит свое маленькое хозяйство, так и мы со всей энергией строим свое большое хозяйство. Нас ведь 170 миллионов человек.

Я с большим волнением стал в первый раз читать Конституцию. Вначале мне не приходило в голову, как я, гражданин Иван Михайлович Москвин, должен буду выполнять свои обязанности перед родиной. И, представьте себе, я понял. В Конституции, в 131-й статье по белому черным написано: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся». И золотыми словами в 130-й статье написано: «блести дисциплину труда». Это для меня точно указано, что я должен делать в Художественном театре, который представляет громадную ценность для нашей социалистической родины.

Мне хочется еще сказать и о том, что я с радостью принял революцию. Но когда началась беспощадная ломка

старого наследия я, грешным делом, немного растерялся, потерял ориентировку, потому что из-под меня вышибли скамейку, на которой я стоял 43 года до революции. Я повис в воздухе, но из этого положения я на сегодня выкарабкался. К моменту революции я притащил 40-летний хвост, который сразу не отрежешь. Было у меня много предрассудков, кажущееся благополучие, мертвые традиции, равнодушные к окружающей действительности. Можно было, конечно, поторопиться и перекраситься снаружи в красный цвет. Мне это казалось неслыханным. Я стал переделываться изнутри, я стал активным строителем нашей героической жизни.

Как замечательна моя родина! Возьмите искусство наших народностей. Оно лежало под спудом. Мне надо было прожить 60 лет, чтобы познакомиться с прекрасным казахским театром. А я раньше не знал даже, что существует такой народ. Посмотрите на наши фабрики, заводы, дома. Какая колоссальная стройка! То, что раньше можно было видеть только во сне, стало явью. Наши новые города, наши железные дороги, наша непревзойденная оборона — на небе, на земле, под землей, на воде, под водой. И главное, это перековка человека, во что я очень верю, потому что я перековался и перековался навсегда. (Аплодисменты). Так что же это за мастерская, для которой нет ничего невозможного? Кто эти замечательные мастера? Мастера — это наш Сталин и с ним весь 170-миллионный народ. (Бурные аплодисменты).

Скажу вам, товарищи, как мне кажется. Обаяние товарища Сталина огромно. Смотришь на него и думаешь, кто он для нас? Я так считаю: он для нас все. Он — наша гордость, наша мудрость, наша любовь. Он — олицетворение нашего счастья, нашей радости, нашей свободной жизни. Конечно, имя Сталина среди угнетенных народов мира останется в веках. (Аплодисменты). А мы с вами будем гордиться тем, что живем в один век с великим Сталиным! (Бурные аплодисменты).